

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права

Сергей Евгеньевич ЯЧИН

доктор философских наук, профессор, департамент философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет, 690091, ул. Суханова, д. 8, Владивосток, Российская Федерация
E-mail: yachin.se@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-4309-2211

Ирина Владимировна КРУГЛОВА

магистрант, департамент философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет, 690091, ул. Суханова, д. 8, Владивосток, Российская Федерация
E-mail: kruglova.iv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-9711-0016

ЦИТИРОВАНИЕ: Ячин С.Е., Круглова И.В. (2020) Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 311–323.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Статья поступила в редакцию 23.05.2020.

АННОТАЦИЯ. Политико-правовые институты современного западного мира свое обоснование и оправдание получили в той идее права, которая заложена в философских системах Канта и Гегеля. Оба эти мыслителя единодушны в том, что регулятивным принципом права является свобода, но трактуют ее существенно по-разному. В кантианской версии свобода является основанием прав индивида, что и нашло свое выражение в правовой системе западных обществ, в теории «естественных прав» и политических принципах либерализма. В гегелевской системе свобода есть преимущественно всеобщее достояние, олицетворенное госу-

дарством в его специфических формах реализации общего блага. Именно Гегель дает системное обоснование государствоцентричной модели общества. Западный мир пошел, в основном, по пути реализации кантианской идеи права, в процессе чего достиг высокого совершенства в регулировании гражданских отношений. Вместе с тем эта модель столкнулась с фундаментальной трудностью при регулировании отношений социальных (религиозных, этнических и других) общностей и групп, включая и отношения национальных государств. Гегелевская философия права в значительной мере была воспринята российскими теоретиками права как соот-

ветствующая политическим традициям имперской России. Однако проблема этой модели в том, что она в своей апологии централизации порождает бюрократизацию государственной жизни и элиминирует развитые формы самоуправления. Политическая история России показательна тем, что в ней столкновение кантианской (по своей сути) идеи суверенных прав человека и гегельянской идеи суверенных прав государства породило специфическую политико-правовую (конституционную) неразрешимость. В теоретико-методологическом плане выход состоит в необходимости установления опосредующего звена между частным и всеобщим, между человеком и государством. Именно таким звеном видится идея гражданской (цивилитарной) собственности, которую обосновывает теория цивилизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политико-правовые институты, государство, либерализм, цивилизм, идея свободы, собственность, сообщество

Введение

Противостояние и одновременно кризис двух принципов государственного устройства: либерально-демократического, основанного на признании приоритета прав человека, и государствоцентричного, устанавливающего главенство суверенных прав государства, – становятся все более явными по мере того, как обе эти политико-правовые модели показывают свою неспособность адекватно ответить на вызовы времени. В данном случае речь идет о западном мире и о России, в основном принадлежащих той системе ценностей, которая предполагает определенный баланс прав человека и суверенных прав государства. При этом

история Государства Российского показательна тем, как в ней на протяжении веков сталкивались и продолжают сталкиваться два этих принципа. Заимствуя западную философию и европейские политико-правые идеи, российская государственность на протяжении двух веков находила свое обоснование и оправдание в русле гегельянской (государствоцентричной) философии права. Постсоветский период истории России знаменовался достаточно крутым поворотом к западно-либеральной системе ценностей и их соответствующему кантианскому обоснованию, что нашло свое яркое выражение в Конституции 1993 г. Все, однако, повторяется. В очередной раз либеральные всплески сталкиваются с принципами государственного суверенитета и растворяются в них.

В такие «эпохи политико-правовой турбулентности» [Розов 2019], в периоды смены конституционного порядка принципиально возрастает значение философского обоснования политико-правовой модели государственного устройства. Это происходит потому, что «логический объем доктрины как системы абстрактных определений шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни» [Новгородцев 1901, с. 20]. Поскольку мы имеем дело с политическими реалиями западного мира, то такого рода обоснование с необходимостью включается в контекст того внутренне-го противостояния, которое характеризует идею права в философии Канта и Гегеля. Оба эти мыслителя единодушны в том, что регулятивным принципом права является свобода, но трактуют ее существенно по-разному. В кантианской версии свобода является основанием прав индивида, что и нашло свое выражение в правовой системе западных обществ, в теории «естественных прав» и политических принципах

либерализма. В гегелевской системе свобода есть преимущественно всеобщее достояние, олицетворенное государством в его специфических формах реализации общего блага.

Обозначим проблему, которая здесь возникает. Все дело в том, что в своей поляризации эти две идеи права оказываются в одинаковой степени ограниченными и неспособными дать обоснованное решение тем задачам, которые стоят перед современным обществом. Так, западный мир пошел в основном по пути реализации кантианской идеи права (идеи свободы), в процессе чего достиг высокого совершенства в регулировании гражданских отношений. Вместе с тем эта модель столкнулась с фундаментальной трудностью при регулировании отношений социальных (религиозных, этнических и других) общностей и групп, включая и отношения национальных государств. Гегелевская философия права, которая в значительной мере была воспринята российскими теоретиками права как соответствующая политическим традициям имперской России, в своей апологии централизации порождает другую крайность – бюрократизацию государственной жизни – и как таковая подавляет развитие формы самоуправления.

Основная цель этой статьи – предложить такую точку зрения на философию права Канта и Гегеля, которая позволит увидеть принципиальную взаимодополняемость их правовых учений и даст обоснование возможности такого опосредующего звена, которая диалектически примирит обе крайности.

Философско-правовым учениям как Канта, так и Гегеля посвящена не-обозримая литература. Значительно меньше работ дают их сравнительный анализ [Ойзерман 2008]. И лишь намеком указывается на возможность взаимодополняющей трактовки этих учений. Едва ли не единственный, кто до-

пускал такую возможность, – это Павел Иванович Новгородцев, который отметил, что пробелы в системе Канта нашли глубокомысленного критика в лице Гегеля, и «нельзя найти лучшей параллели для взглядов Канта», поскольку круг вопросов, поставленных Гегелем, не устраняют, а восполняют учение Канта [Новгородцев 1901, с. iii]. Но, отмечая взаимодополняемость учений Канта и Гегеля, П.И. Новгородцев не ставил задачи осмысления последствий этой комплементарности для политико-правовой системы государства.

Последствия же таковы. Можно констатировать, что современное западное «индивидуализированное общество» [Бауман 2002] находится в контуре кантианского самоописания, а российская государственность испытывает сильную склонность принять гегельянский идеал тотальности. При этом обе альтернативы сегодня находятся в кризисе. Обе нормативные модели не способны описать нынешнюю человеческую и социальную реальность в ее полноте. Бинарная схема «суверенитет государства – права человека» упускает необходимое опосредующее звено – права реальных человеческих сообществ. В теоретико-методологическом плане проблема состоит в обосновании необходимости опосредующего звена между частным и общим интересом, между человеком и государством.

Идея сообщества как опосредующего элемента социальной структуры получила современное развитие в политической философии так называемого коммунитаризма, в работах А. Макинтайра, Ч. Тейлора, М. Уолцера, А. Этциони [Макинтайр 2000; Тейлор 2017; Taylor 1994; Etzioni 1993] и др. Стоит признать, что эта теория не получила широкого распространения, причиной чему, на наш взгляд, служит отсутствие у коммунитаризма значимого экономического основания. Мы полагаем, что

такое обоснование коммунитаризм (и как политическая философия, и как социальное движение) может найти в теории цивилизма (цивилитарной собственности), основы которой заложил на почве российских реалий В.С. Нерсесянц [Нерсесянц 2001].

Идея свободы и права в кантовско-гегелевской альтернативе

Философско-правовые воззрения Канта и Гегеля находятся в достаточно сложном, зачастую в амбивалентном отношении: они одновременно и взаимодополняют, и противостоят друг другу [Круглова 2019]. Раскрыть все основания единства и оттенки разногласия этих мыслителей в рамках задач данной статьи не представляется возможным. Однако мы считаем оправданным и достаточным для наших целей исходить из объединяющей идеи их правовых учений: идеи, которая и позволяет представить разногласие как две стороны одной проблемы. Так что же объединяет кантовские и гегелевские воззрения на сущность права?

Принципиальным для обоих является утверждение *Права* как манифестации *Свободы*. Согласно формуле Гегеля, «система права есть царство осуществленной свободы ...» [Гегель 1990, с. 67]. Разночтения возникают из продолжения этой формулы. Если Гегель заканчивает эту фразу словами «...мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [Гегель 1990, с. 67], имея в виду, что *Право* – это объективация *Свободы* как субстанции Абсолютного Духа, то Кант видит то же самое царство свободы как результирующее согласие свободных субъектов (индивидов) жить вместе, согласие, которое достигается в виде условия согласования их свободных волей. Для Гегеля

Свобода – предпосылка системы права, для Канта – результирующее условие. Отсюда становится понятным, почему западный мир, «общество индивидов» [Элиас 2001], или «индивидуализированное общество» [Бауман 2002], находится в контуре кантовского самоописания своего «царства свободы». По справедливому замечанию отечественного правоведа С.С. Алексева, политико-правовые воззрения Канта вполне могут претендовать на то, чтобы быть признанными как идеи, заложившие философские основы либеральных цивилизаций [Алексеев 2010, с. 23]. Сам факт закрепления в первоочередном порядке в либеральных конституциях признания прав и свобод высшей ценностью говорит о том, что современное право – это прежде всего право человека, а современные либеральные государства живут в кантовской парадигме.

Человекоцентричному кантовскому принципу права противостоит гегелевская государствоцентричная модель. Для Гегеля государство, несущее в себе момент всеобщности, представляет собой первичное нравственное целое по отношению к его остальным моментам (индивидам, сообществам и обществу в целом). На уровне такой специфической формы, как государственность, свобода предстает в своем наиболее чистом и концентрированном виде, охватывая каждый его особый момент. Всеобщая свобода требует, чтобы субъективные интересы индивида были подчинены государству, как нравственному целому. Описывая гегелевскую идею государства как единого органического процесса, российский философ и правовед В.С. Нерсесянц отмечает, что в нем «каждый особенный момент (индивиды, их объединения, органы власти) пользуются своими правами и отправляют свои обязанности, сообразуясь с целями всеоб-

щего и тем самым реализует их» [Нерсесянц 1979, с. 51].

Вся тонкость единства и различия понимания идеи права Кантом и Гегелем лучше всего видна в их трактовках соотношения права и закона. Оба мыслителя рассматривают закон как *форму*, в котором идея права (содержание) только и может найти свое свершение, т. е. обрести свою *действительность*. «То, что есть право, лишь становясь законом, обретает не только *форму* своей всеобщности, но и свою истинную *определенность*» [Гегель 1990, с. 247]. С этим гегелевским утверждением согласился бы и Кант. Оба мыслителя признают «органическое единство закона и права» [Алексеев 2010, с. 58]. Только в *форме* закона право (идея права как свободы) может обрести «всеобщепризнанный» и «всеобщезначимый» характер [Гегель 1990, с. 247]. Расхождение возникает в силу разного понимания становления всеобщего и, соответственно, идеи свободы. У Канта всеобщее возникает конструктивно (как общепризнанное), у Гегеля *Дух Всеобщего* задает логику восхождения к нему его частных и особенных моментов. Отсюда и становится понятным, почему в соотношении права и закона приоритет Кантом отдан *форме* закона, как той формальной процедуре, которая определяет возможность согласования свободной воли одного субъекта со свободой воли другого. Кант мыслит идею права как *поиск и реализацию максимума свободы* для каждого из объединенных в сообщество индивидов. Интерпретируя в таком ключе мысли Канта, С.С. Алексеев указывал на то, что «даже самые высокие правовые принципы и права людей лишь тогда станут реальными, когда они выступят в качестве категорий объективного права» [Алексеев 2010, с. 63]. В кантианской традиции понимания права необходимо непрерывное внимание к *форме* закона. Как выразился М.К. Мамардашвили, «нам нужны не честные судьи, а независимые суды» [Мамардашвили 2002, с. 91].

Гегель же мыслит идею права в ее отношении к *форме* закона иначе. Он имеет все основания критически заметить, что формальное установление максимума свободы для индивидов возможно только при том условии, что идея свободы *уже до этого* должна определять поиск и реализацию этого максимума. Идея свободы в ее всеобщности определяет наш поиск соответствующей формы. Тогда понятно, почему закон в его формальной общезначимости (как государственное установление) придает идее права «истинную определенность». Только будучи общезначимым (никто не может быть в государстве выше закона!) закон и может реализовать тот самый максимум свободы для каждого. Получается так, что, жертвуя некой частью своих индивидуальных свобод, каждый в ответ получает значительно больший массив свободы. Это и есть принцип правового государства, которое Гегель считал вершиной нравственной идеи. Явно или неявно этот аспект гегелевской философии права находит свое воплощение в современном понимании правового государства. Но, и это мы хотим подчеркнуть, «кантианско-гегелевская альтернатива» (а лучше сказать, дилемма) как раз и состоит в формальном противоречии между этими двумя принципами права: принципом приоритета прав человека и принципами самого правового государства. Столкновение этих принципов приводит к неразрешимым юридическим коллизиям. Защита прав человеческого индивида всегда будет приводить к нарушению общезначимости (всеобщности) закона, а требования закона всегда будут идти вразрез со свободами отдельного человека. Дилемма состоит в том, что личная свобода чело-

века и равенство людей оказываются в крайних позициях: чем больше личной свободы – тем меньше равенства, чем больше равенства – тем меньше свободы. Так будет до тех пор, пока в отношении человека и государства не будет введено опосредующее звено – особый субъект права – реальное человеческое сообщество.

К возможности цивилитарного решения кантианско-гегелевской дилеммы

Одна из безусловных заслуг «Науки логики» Гегеля состоит в преодолении бинарной схемы обычного мышления и обосновании трехступенчатой последовательности движения мысли по схеме «тезис – антитезис – синтез». Та же самая схема заложена в его онтологическом различении единичного, особенного и всеобщего, где *особенное* представляет собой синтез *единичного и всеобщего* [Гегель 1974, с. 125]. Непоследовательность Гегеля можно усмотреть в том, что, понимая *синтез высшей ступенью* как становления предмета, так и его познания, он, тем не менее, всеобщее мыслит *выше* особенного. Фактически Гегель остается в бинарной схеме мышления «частное (индивид) – общее (государство)», когда выстраивает свою государственно-правовую модель. Для правовой системы современного государства нет ничего необычного в том, что, помимо прав индивида и прав государства, имеются еще и права сообществ разного уровня (начиная с семьи и завершая акционерными обществами). При этом следует иметь в виду, что в юридическом смысле *всякое право* представляет собой право владения, использования и распоряжения некой собственностью (благом), первой из которой является собственное тело человека (что подразумевает

столь значимый для правового самосознания Европы «Habeas corpus act»). Государственно-правовая система *современного правового* государства может регулировать (в т. ч. ограничивать) только и исключительно движение собственности (включая перемещения человеческих тел) и не может покушаться на такие сущности, как свобода совести, на мысли и намерения. Ключевой недостаток такого правового государства состоит как раз в том, что *особенные права* реальных сообществ в недостаточной степени опосредуют права человека и права (суверенитет) государства.

Основную институциональную проблему современных обществ мы видим в том, что распределение прав собственности (в вышеуказанном смысле как базиса всех прав) идет по принципу разделения собственности на частную и государственную. При этом государственная собственность, по выражению С.С. Алексева, является своего рода «мутантом, противоестественным гибридом того, что выражает известные стороны власти собственника, и одновременно того, что свойственно произволу государственной власти» [Алексеев 2010, с. 234]. Именно поэтому, как в свое время предсказывал Маркс, государство может стать собственностью бюрократии [Маркс 1955, с. 272]. Частная собственность сдерживает ее аппетиты, но ее природа такова, что она может быть лишь у некоторых, но не у всех членов общества. Эти формы собственности являются доминирующими для либеральной и государственнической (социалистической) моделей и служат для них соответствующим экономическим базисом. Поэтому на практике почти все формы коллективной собственности (прав сообществ на нее) распадаются на частные и государственные – что и приводит к торжеству бинарной схемы.

Попытки опосредовать это бинарное отношение предпринимаются постоянно (из понимания экономической и юридической целесообразности), но либо опять-таки внутри себя такие формы распадаются на частное и государственное (как в институте частно-государственного партнерства), либо юридически заявленные как *особые формы собственности* (главный пример – муниципальная собственность) фактически функционируют по принципу государственной собственности и в этом смысле являются *юридически мнимыми*.

Осмысление роли сообществ явно показывает, что, наряду с правами и свободами индивидов, с одной стороны, и внутренним суверенитетом государства с другой, существуют также права и свободы сообществ в том их значении, что только в рамках таких сообществ человек получает особые права (свободы). Только здесь человек может осуществить свою потребность и право на идентичность. Отсюда становится важной не только свобода самоопределения личности в плане владения неким благом, но и свобода причислять себя к определенной общности или исключать себя из нее. Экономическим базисом такого подключения/исключения является право частной собственности на свою долю в общей собственности сообщества. В особенности здесь важно право на возможность отчуждения своей доли.

Но если эти *особенные права* самих сообществ как особых субъектов права в достаточной мере осмыслены и защищены применительно к семейным или акционерным обществам (но только в формате объединения частных прав), то они остаются почти незамеченными в случае территориальных или профессиональных (гражданских) сообществ (таких как профессиональные союзы и объединения работо-

дателей, в которых, как и в семье, выход участника может стать невосполнимой потерей). А роль муниципального образования как сообщества граждан, совместно проживающих на определенной территории и объединенных общими *местными (локальными, а не личными или государственными)* интересами, вообще не осмысливается в условиях фактического отношения к муниципалитетам как низшему звену централизованного государственного аппарата. В силу права на отчуждение субъектность реальных сообществ во многом и становится неустойчивой. Отсюда можно заключить, что целостность и устойчивость сообщества напрямую зависит от самоопределения индивидов внутри него.

Действительное опосредование государственного суверенитета и прав человека (и тем самым относительное разрешение кантовско-гегелевской дилеммы) возможно при условии решения следующей задачи: *индивид должен иметь полное право на долю в коллективной (государственной) собственности, но он не может отчуждать эту долю*. Иными словами, речь идет о создании, развитии и защите такого сообщества, которое, имея в своем основании долевою собственность, в то же время будет сохранять устойчивость, поскольку эта доля является неотчуждаемой (данной ему по гражданству). Тем самым и достигается разрешение апории частного и общего блага, над которой бился еще Аристотель. Именно эту задачу попытался осмыслить и решить в своей концепции цивилизма В.С. Нерсесянц.

Двигаясь в такой логике, В.С. Нерсесянц предлагает опосредовать частное право собственности, с одной стороны, и институт государственной собственности, с другой, собственностью *цивилитарной*. Он безусловно прав в том, что право, пока оно не установ-

лено как право собственности на объекты, которыми субъект может владеть и распоряжаться (начиная со *своего собственного тела*, личного имущества и заканчивая средствами производства), остается «витающим в сфере духа» (а по факту – благим пожеланием). В признании этого находит выражение весь реализм кантовского понимания свободы и права. Однако такая система права неизбежно ведет к поляризации массива свободы: концентрируясь на одном полюсе, она порождает нужду и рабство на другом. «Справедливое распределение благ (массива свободы)» в ущемленном виде возлагается сегодня в основном на государство, воля которого далеко не является свободной и благой, как это представлял Гегель. Младогегельянец Маркс исчерпывающим образом предсказывал возможность того, как государство становится собственностью бюрократии.

Вычленение в идее права трех уровней или ступеней мы считаем принципиально важным, методологическим решением, но предлагаем трактовать эти ступени иначе, чем Гегель. Исключая гегелевскую «мистификацию всеобщего», заметим, что проблема неадекватности системы права условиям совместной жизни людей возникает ровно потому, что она мыслится и разрабатывается в двузначной логике.

С другой стороны к решению проблемы частного и общего интереса подошла современная теория коммунитаризма. В этой теории под сообществом принято понимать социальную группу, члены которой связаны артикулированной концепцией общего блага, солидарностью и взаимной ответственностью. Приверженцы теории коммунитаризма выход из ситуации видят в расширении реальных прав сообществ. Однако такого эффекта выхода из непрерывной череды смен либеральной и государственнической моделей воз-

можно достичь, только опираясь на устойчивый экономический базис, закреплённый соответствующими юридическими нормами. До тех пор, пока сообщества не получают своего экономического обоснования, все попытки расширения их роли будут носить фиктивный характер. Именно в этом, в отсутствии экономической основы, состоит основной недостаток теории коммунитаризма. Таким экономическим основанием является право собственности. Поэтому В.С. Нерсисянц, задавая вопрос о праве, ставил его во взаимосвязи с вопросом о собственности: возможно ли всеобщее, но не буржуазное право и возможна ли индивидуализированная, но не частная собственность [Нерсисянц 2001, с. 11]? Такую новую форму собственности автор концепции именуется гражданской (цивильной, цивилитарной), под которой понимает «идеальную долю каждого собственника в общей собственности всех граждан» [Нерсисянц 2001, с. 14]. Примером приближения к этой форме собственности является опыт некоторых стран (в частности Норвегии), когда гражданин получает свою долю дохода от эксплуатации природных богатств (на этот опыт ссылается и сам В.С. Нерсисянц).

Правовое отношение, по мысли В.С. Нерсисянца, должно быть обосновано как отношение собственности. В марксистской парадигме (приоритет базиса над надстройкой) именно отношения гражданской собственности являются концептуальным стержнем идеи цивилизма, той основой, на которой только и может находиться цивилитарная государственно-правовая надстройка. Цивилизм, по-своему разрешая онтологическую проблему соотношения части и целого, способствует тому, чтобы люди, часто с очень разными культурными и религиозными традициями, будучи совладельцами всего национального достояния, были

объединены в целое своими интересами. Тем самым происходит изменение того имперского принципа, на котором исторически всегда стояла Россия: появляется возможность объединять людей не силой государственного аппарата, но экономическим интересом его собственников. Однако, обозначая приоритет и высокий статус общества, В.С. Нерсесянц не осмысляет его в коммунитаристском аспекте как «сообщество сообществ». Закладывая гражданскую собственность как основу гражданского общества, концепция цивилизма также упускает особенное звено – права коммунитарных сообществ. Поэтому подлинная гражданственность, закладываемая концепцией цивилизма, не может быть реализована до тех пор, пока юридически не будут закреплены права сообществ.

Восстанавливая упущенное звено, необходимое для дальнейшего прогресса свободы, снимающего противоречие между всеобщим и единичным, социализмом и либерализмом, концепция цивилизма в то же время достигает баланса между структурой общества и индивидуальной автономией. С одной стороны, она предусматривает наличие у государства делегированной от общества, регулятивной и ограниченной власти над людьми в отсутствие у него власти над вещами, что противостоит его превращению в довлеющую над людьми часть и последующему установлению жестко централизованной структуры. С другой стороны, концепция устанавливает наличие у каждого гражданина реальной власти над вещами в виде равного для всех минимума гражданской (цивилитарной) собственности и права на приобретение любой другой (частной) собственности без ограничительного максимума, что составляет почву для ответственности как перед собой, так и перед сообществом.

Вот почему идею цивилитарной собственности мы считаем спасительной для будущего всякого государства и всего человечества. Нет сомнений, что ее реализация столкнется с преградами, основной из которых нам видится интерес власть имущих в сохранении своего контроля за распределением государственной собственности и получаемой от этого выгоды в интересах определенных групп. Но, как манифестировал Кант в своем сочинении «К вечному миру», вышедшем в свет еще в 1795 г., «право на земную поверхность» (и, как следствие, все ее ресурсы и природные богатства) «принадлежит всему человечеству» [Кант 1994, с. 397, 399]. Поэтому выход мирового сообщества на такую форму собственности предстоит длительным, а трудности, которые могут возникнуть на этом пути, заслуживают отдельного обсуждения. Здесь мы только можем наметить основные ориентиры и возможности. Главный из них лежит в тренде превращения человеческого потенциала в основное условие экономического роста и процветания государств. Конкуренция за этот *мобильный* потенциал будет вынуждать государственные власти (даже авторитарного толка) принимать вынужденные решения по созданию для него условий «наибольшего благоприятствования». При этом «связывание» человека его гражданской собственностью станет едва ли не решающим фактором. Цивилитарная собственность и должна быть предназначена для воспроизводства человеческого капитала, т. е. целевым образом направлена в сферы образования, здравоохранения и экологии (по месту проживания человека). При условии, что государственный аппарат передает часть своих прав по распоряжению национальными богатствами своим гражданам, государство становится тем, чем, согласно Канту и Гегелю, оно

должно быть по своей идее: оно должно быть (используем здесь формулы Г. Кельзена) «правом в действии» или «действенным порядком» [Кельзен 2015, с. 355], обеспечивающим предельно возможное равенство граждан перед законом. Конечно, государство сохраняет за собой функцию *легитимного насилия*, но из ведущей она становится производной.

Заключение

Два политико-правовых дискурса определяют сегодня образ жизни западного мира: с одной стороны, это дискурс прав человека, его индивидуальных *свобод*, с другой, это дискурс правового государства, его ответственности за *равные права* доступа к общим благам жизни граждан государства. Но именно эти два подхода к идее права *разрывают политико-правовую ткань* совместной жизни людей, сталкивая в коллизиях разного рода конститутивные для цивилизованной системы права принцип свободы и принцип равенства. Только отдельно можно показать, как правовые решения разрываются в попытке примерить эти два принципа. Так или иначе, явно или неявно, но философии права Канта, последовательно отстаивавшего принцип личной свободы, и Гегеля, с его идеалом правового государства, в котором верховенствует принцип равенства граждан перед *Законом*, вошли в контур самоописания государственно-правовых систем западного мира, вошли как минимум своей терминологией, системой понятий и концепций, оказав тем самым непосредственное влияние как на современную теорию государства и права, так и на практику ее правоприменения. В конечном итоге политико-правовая система западного мира оказалась поставленной перед дилеммой, чему в

каждом конкретном случае следует отдавать предпочтение: личной свободе или формальному равенству людей перед законом. Принимая, что в основании любого права находится право собственности, мы допускаем, что без своего опосредования в *особой форме* права эта дилемма обладает всеми признаками неразрешимости. Вот почему решение видится в том, чтобы каждая из сторон – человек-гражданин и государство-суверен – передала часть своих прав в эту *особенную* форму, в форму неотчуждаемого права гражданина на цивилитарную собственность. Ее *особенность* (выражаясь в гегелевской схематике) заключается в том, что она способна синтезировать частное и всеобщее, фиксируя неотчуждаемое право гражданина на долю в государственной (общенародной) собственности, но так, что право распоряжения этой собственностью гражданин может направить только на общее благо. Концепция цивилизма В.С. Нерсесянца задает общий контур решения указанной дилеммы, но для своей реализации требует дополнительных условий. В определении этих условий особое значение приобретает исторический опыт России. Можно сказать, что российская государственность исторически выстрадала правовое противостояние свободы и равенства так, что именно на ее почве (по мысли В.С. Нерсесянца) могут зародиться и получить развитие цивилитарные нормы общежития.

Список литературы

Алексеев С.С. (2010) Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут. С. 7–294.

Бауман З. (2002) Индивидуализированное общество. М.: Логос.

Гегель Г.В.Ф. (1974) Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х томах. Том 1. М.: Мысль.

Гегель Г.В.Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль.

Кант И. (1994) Трактаты и статьи (1784–1796) // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками.

Кельзен Г. (2015) Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс.

Круглова И.В. (2019) Кантианские и гегельянские традиции установления конституционного порядка в опыте российской государственности // Теология. Философия. Право. № 4(12). С. 50–62 // https://elibrary.ru/download/elibrary_42596649_48845956.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Макинтайр А. (2000) После добродетели. Исследования по генеалогии морали. М.: Академический Проект.

Мамардашвили М. (2002) Кантианские вариации. М.: Аграф.

Маркс К. (1955) К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат. С. 219–368.

Нерсесянц В.С. (1979) Гегель. М.: Юридическая литература.

Нерсесянц В.С. (2001) Национальная идея России во всемирно-истори-

ческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: НОРМА.

Новгородцев П.И. (1901) Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Университетская типография на Страстном бульваре.

Ойзерман Т.И. (2008) Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). М.: Канон +.

Розов Н.С. (2019) Эпохи турбулентности и их преодоление // Политика. № 1 (92). С. 81–96. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96

Тейлор Ч. (2017) Секулярный век. М.: ББИ.

Элиас Н. (2001) Общество индивидов. М.: Праксис.

Ячин С.Е., Деменчук П.Ю., Минеев М.В. (2018) Институализация коммуникативных и жизненных практик в обществах современного типа (введение в исследовательскую программу) // Креативная экономика. Т. 12. № 9. С. 1399–1416 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36315089_97261330.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Etzioni A. (1993) The Spirit of Community: The Reinvention of American Society, New York: New York Simon & Schuster.

Taylor C. (1994) Can Liberalism Be Communitarian? // Critical Review, vol. 8, no 2, pp. 257–262. DOI: 10.1080/08913819408443337

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Human and the State before the Alternative Kantian or Hegelian Idea of Law

Sergey Ye. YACHIN

DSc of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities

Far Eastern Federal University, 690091, Sukhanova St., 8, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: yachin.se@dvfu.ru

ORCID: 0000-0002-4309-2211

Irina V. KRUGLOVA

Master's Degree Student, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities

Far Eastern Federal University, 690091, Sukhanova St., 8, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: kruglova.iv@dvfu.ru

ORCID: 0000-0002-9711-0016

CITATION: Yachin S.Ye., Kruglova I.V. (2020) Human and the State before the Alternative Kantian or Hegelian Idea of Law. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 311–323 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Received: 23.05.2020.

ABSTRACT. *The political and legal institutions of the modern Western world received their justification and justification in the idea of law, which is embedded in the philosophical systems of Kant and Hegel. Both of these thinkers are unanimous in that freedom is the regulatory principle of law, but it is interpreted in significantly different ways. In the Kantian version, freedom is the basis of the individual's rights, which is reflected in the legal system of Western societies, in the theory of "natural rights" and in the political principles of liberalism. In the Hegelian system, freedom is predominantly a public domain, personified by the state in its specific forms of realization of the common good. It is Hegel who gives the systemic justification of the*

state-centric model of society. The Western world went mainly along the path of implementing the Kantian idea of law, during which it achieved high perfection in regulating civil relations. At the same time, this model encountered fundamental difficulties in regulating the relations of social (religious, ethnic and other) communities and groups, including the relations of nation states. The Hegelian philosophy of law was to a large extent perceived by Russian legal theorists as corresponding to the political traditions of imperial Russia. However, the problem with this model is that, in its apology of centralization, it creates bureaucratization of state life and eliminates developed forms of self-government. The political history of Russia is indicative of the

fact that in it the clash of the Kantian, in essence, idea of sovereign human rights and the Hegelian idea of the sovereign rights of the state gave rise to specific political and legal (constitutional) insolubility. In theoretical and methodological terms, the way out is the need to establish a mediating link between the private and the universal, between man and the state. It is this link that sees the idea of civil (civilian) property, which is justified by the theory of civilism.

KEY WORDS: political and legal institutions, the state, liberalism, civilism, the idea of freedom, property, community

References

- Alekseev S.S. (2010) The Most Sacred Thing that God Has on Earth: Immanuel Kant and the Problems of Law in the Modern Era. *Alekseev S.S. Collected Works in 10 vols.* Vol. 5: Line of Law. Separate Problems Concept, Moscow: Statut, pp. 7–294 (in Russian).
- Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*, Moscow: Logos (in Russian).
- Elias N. (2001) *Society of Individuals*, Moscow: Praxis (in Russian).
- Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: The Reinvention of American Society*, New York: New York Simon & Schuster.
- Hegel G.W.F. (1974) The Science of Logic. *Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences in 3 vols.* Vol. 1, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Hegel G.W.F. (1990) *Philosophy of Law*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Kant I. (1994) Treatises and Articles (1784–1796). *Kant I. Works in 4 vols.* (in German and Russian). Vol. 1, Moscow: Kami (in Russian).
- Kelsen H. (2015) *Pure Theory of Law*, Saint Petersburg: Alef-Press (in Russian).
- Kruglova I.V. (2019) Kantian and Hegelian Traditions of Establishing Constitutional Order in the Experience of Russian Statehood. *Theology. Philosophy. Law*, no 4(12), pp. 50–62. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42596649_48845956.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- MacIntyre A. (2000) *After Virtue. A Study of Moral Theory*, Moscow: Akademicheskii Proekt (in Russian).
- Mamardashvili M. (2002) *Kantian Variations*, Moscow: Agraf (in Russian).
- Marx K. (1955) To the Criticism of the Hegelian Philosophy of Law. *Marx K., Engels F. Works.* Vol. 1, Moscow: Gospolitizdat, pp. 219–368 (in Russian).
- Nersesyants V.S. (1979) *Hegel*, Moscow: Yuridicheskaya literatura (in Russian).
- Nersesyants V.S. (2001) *The National Idea of Russia in the World-historical Progress of Equality, Freedom and Justice. Civilism Manifesto*, Moscow: NORMA (in Russian).
- Novgorodtsev P.I. (1901) *Kant and Hegel in Their Teachings on Law and the State*, Moscow: Universitetskaya tipografiya (in Russian).
- Oizerman T.I. (2008) *Kant and Hegel (Experience of Comparative Research)*, Moscow: “Kanon+” (in Russian).
- Rozov N.S. (2019) Epochs of Turbulence and Ways to Overcome Them. *Politeia*, no 1(92), pp. 81–96 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96
- Taylor C. (1994) Can Liberalism Be Communitarian? *Critical Review*, vol. 8, no 2, pp. 257–262. DOI: 10.1080/08913819408443337
- Taylor Ch. (2017) *A Secular Age*, Moscow: BBI (in Russian).
- Yachin S.E., Demenchuk P.Yu., Mineev M.V. (2018) Institutionalization of Communicative and Life Practices in Modern Society (Introduction to the Research Program). *Creative Economics*, vol. 12, no 9, pp. 1399–1416. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36315089_97261330.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).